

Могучий талант

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. БОРОДИНА)

Когда размышляешь о великих художниках, творивших в любой области искусства, стараешься определить их место в духовной культуре народа, то вновь и вновь убеждаешься, что их талант непременно самобытен, что они приносят свою тему, свои образы, свое видение жизни. Трудно хотя бы на минуту вообразить себе искусство без того нового, что внесено этими художниками

Таким представляется всегда прекрасное созвездие талантов, составлявших «могучую кучку». Всех их объединяло пламенное желание содействовать расцвету русской музыки, верность заветам Глинки, стремление к правде и доступности в искусстве, едкие общественные и эстетические задачи. И в то же время какие это разные, неповторимые художники и люди!

Александр Порфирьевич Бородин. Гениальный композитор и выдающийся химик. Соратник Стасова, Вацакирева, Мусоргского, Римского-Корсакова, близкий друг великих русских естествоиспытателей Менделеева и Сеченова. Одни убеждали его целиком повятить себя музыке, а другие сетовали на музыкальные занятия, отрывавшие его от серьезных научных исследований.

Число произведений написанных Бородиным, крайне невелико, и многие из них не были им завершены. Одна опера, две законченных симфонии, два квартета несколько романсов... Но эта опера — «Князь Игорь» — но одна из этих симфоний — «Богатырская» и почти каждый романс — жемчужина.

Он наиболее, если можно так сказать, глинкавский из всех «кучкистов». Это — гармоничный, ясный талант, его

музыка всегда выражает цельные большие чувства, она всегда пластична и законченна по форме. Бородин — прекрасный мелодист.

Ему были близки образы и настроения, казалось бы, взаимоисключающие друг друга. Бородин — художник эпического склада. И в опере, и во второй симфонии он рисует образы большого размаха. Когда слушаешь могучую поступь первой части этой симфонии, или полную мужественной скорби арию Игоря: «Ни сна, ни отдыха измученной душе», или грозную песню «Темный лес шумел», — героический, богатырский характер его музыки встает во весь рост. И как трудно поверить, что тот же композитор написал полный тончайшего лиризма «Ноктюрн» из второго квартета или романс «Для берегов отчизны дальней» на пушкинский текст.

Бородин — художник в высшей степени национальный. Отсюда его интерес к драматическим событиям из истории своего народа (сколько былин, исторических повестей и летописей прочел он вместе со Стасовым, сочиняя либретто «Игоря»), отсюда национальный характер его музыкальных образов: богатыри его второй симфонии — это богатыри из русских былин, и хор поселян из четвертого действия оперы — это не условные действующие лица, а русские люди, скорбящие и разоренные половцами.

— Откуда все это непостижимое чутье национального, — восхищался Стасов. — Ведь его соратники — выходцы из глубины России, а Бородин родился и большую часть жизни провел в Петербурге!

Как и у Глинки, в творчестве Боро-

дина русский элемент сочетается с элементом восточным. Какой эффектный, красочный колорит приобретает от этого сочетание вся музыкальная драматургия оперы! Князь Игорь тяжело переживающий свое поражение, несломленный, готовый к продолжению борьбы, и Кончак, гостеприимный, храбрый, упевающий своим богатством; строгий, скорбный образ Ярославны и страстная, чувственная Кончаковна, потеха в тереме у князя Владимира Галицкого и редкие по красоте пляски в половецком стане, поражающие разнообразием мелодики и ритма.

Симфоническая музыка Бородина, как и испанские увертюры Глинки, необычайно конкретна, ее образы осязательны, их видишь. И не только в программной увертюре «В Средней Азии», но и в этой же второй симфонии, где, по словам композитора, он хотел в первой части изобразить собрания русских богатырей, в другой — образ певца-сказителя Баяна, а в финале — «богатырский пир при звуке гуслей при ликовании народной толпы». Такая программность вытекала из реалистических взглядов композитора, из его стремления к доступности своего искусства.

Очень многое роднит автора «Князя Игоря» с создателем «Руслана и Людмилы», и, вслушиваясь в мелодичку речитатива Игоря, конечно, улавливаешь ее преемственную связь с образом Руслана и широкой мелодичкой его арии «О поле, поле, кто тебя усеял». И при всем этом, повторяя уже ранее сказанное, хочется подчеркнуть. «Какой это своеобразный, неповторимый, могучий талант! И как это хорошо!»

В 1862 году, вернувшись из заграничной командировки в Россию, молодой профессор Медико-хирургической академии Бородин сблизился с кружком Балакирева. Позади остались уже годы учебы, он давно любил музыку, играл на рояле, виолончели, флейте, пробовал сочинять. Но только здесь, окруженный дружеским участием, постоянно побуждаемый к творчеству, он всерьез уверовал в свои силы и стал писать музыку. И хотя основным делом своей жизни он считал химию, педагогическую и научную деятельность и им от-

давал большую часть своего времени и силы, и заслуги его на этом поприще весьма значительны, но в культуре русской и мировой Бородин в первую очередь славен как создатель «Богатырской симфонии» и «Князя Игоря».

Сюжет оперы был подсказан ему Стасовым, предложившим использовать гениальное «Слово о полку Игореве». Красота «Слова», его патриотическая идея защиты Родины и драматизм захватили Бородина. Более 17 лет длилась работа над оперой. Тщательное изучение эпохи и незаурядный литературный талант композитора (Бородин, к слову сказать, автор текста ряда своих романсов) позволили ему создать высокохудожественное либретто с драматическими ситуациями, народными сценами и контрастными образами. Почти все основные номера оперы были написаны, многие из них с огромным успехом уже исполнялись в концертах, друзья уже слышали в исполнении автора наброски увертюры. Неожиданная смерть не дала Бородину закончить работу над оперой.

Несколько дней спустя, по свидетельству Стасова, на квартире покойного собрались его друзья, чтобы рассмотреть драгоценное наследие композитора и решить вопрос о завершении его труда. Глазунов по памяти воспроизвел увертюру оперы, Римский-Корсаков завершил ее инструментовку и подготовил к печати все наследие композитора. В 1890 году, через три года после смерти Бородина, состоялась премьера оперы. Его симфонии и квартеты к тому времени были уже широко известны и за пределами России, где пропавшим и почитателем творчества Бородина явился венгерский композитор Ференц Лист, восхищенный силой и свежестью его музыки.

«Талант Бородина, — писал Стасов, — равно могуч и поразителен как в симфонии, так и в опере, и в романсе. Главные качества его — великанская сила и широта, колоссальный размах, стремительность и порывистость, соединенная с изумительной страстностью, нежностью и красотой». К этим словам трудно что-либо добавить.

А. ИНГЕР.

